

MINISTERUL EDUCAȚIEI AL REPUBLICII MOLDOVA
UNIVERSITATEA DE STAT DIN COMRAT
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛDOVA
КОМРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Materiale conferinței științifico-practice internaționale
4 februarie, 2016

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 25-ой годовщине
Комратского государственного университета
4 февраля 2016

ȘTIINȚĂ, EDUCAȚIE, CULTURĂ
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

ТОМ II.
ЛИНГВИСТИКА. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА.

Составители

Л.В. Федотова, Т.Г. Великова, А.К. Папцова

Под общей редакцией

Л.В. Федотовой

КОМРАТ, 2016

Подводя итог сказанному, можно привести пример первого российского бизнес-телевидения «Сильные духом»; XI Паралимпийских зимних игр в г. Сочи под названием «Сильные духом»; жизнедеятельности современного слепого художника Джона Брамблитта, который пишет картины, чувствуя на ощупь краски и др. Но повысить интерес подрастающего поколения к этимологии широко используемых фразеологизмов или паремий (*Все свое ношу с собой; Много званых, да мало избранных; Вносить свою лепту* и др.) является долгом современных педагогов-филологов и ученых.

Библиография:

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Гадомский А. К. Критерии определения религиозного стиля / А. К. Гадомский // Восточнославянская филология: сборник научных работ. – Горловка : ГГПИИЯ, 2007. – Выпуск 11. – Ч.1. – Языкознание. – С.16-24.
3. Иоанн Златоуст. О мужестве и храбрости / Иоанн Златоуст. – Полн. собр. творений. – М. : Радонеж, 2004. – Т.12. – Кн.2. – 774 с.
4. <http://pravbeseda.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [library / index. book](#)
5. <http://www.nietzsche.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/works/main-works/antihrist/](#)
6. <http://lyudysylniduhom.org/> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Люди Сильні Духом – Міжнародний Благодійний Фонд.](#)
7. <http://forbes.ua> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [news](#)
8. <https://www.google.com.ua> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/wikipedia.org/wiki/Зомби. Толкование.](#)
9. <http://www.pravoslavie.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/ Духовные беседы Макария Великого. Беседа 4.](#)

УДК 821.161.2-3.09+929Багряный

Якименко Людмила Николаевна
кандидат филологических наук,
г. Умань, Украина
E-mail: yakimenkol@list.ru

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ИВАНА БАГРЯНОГО В ИЗМЕРЕНИЯХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМФЛЕТА «ПОЧЕМУ Я НЕ ХОЧУ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В СССР?»)

Annotation. Yakimenko L.N. Polemical journalism of Ivan Bagriany in the measurements of intertextuality (based on the pamphlet «Why I don't want to go back to the USSR?»).

Ukrainian writer and journalist Ivan Bagriany in post-war political emigrant journalism has raised a number of important issues, particularly relevant to voluntary and involuntary Ukrainian settlers in Western Europe. One of the most important problems is the forced repatriation from European countries to the USSR after the Second World War. In his polemic pamphlet «Why I don't want to go back to the USSR?» Ivan Bagriany explains the reasons for the reluctance of Ukrainians to travel to the Soviet Union by the example of his life, using different forms of intertextuality. The analysis of this problem is done in the article.

Key words: Ivan Bagriany, essay, pamphlet, intertextuality.

Иван Багряный (Иван Павлович Лозовьяга) (1906 – 1963 гг.) в сознании подавляющего большинства читателей чаще всего ассоциируется с художественными текстами, прежде всего с романами «Сад Гетсиманский» и «Тигроловы», и стихами, которые изучаются в школе. Однако в свое время он активно занимался политической и общественной деятельностью, что и нашло свое отражение в многочисленных публицистических наработках. Значительный интерес в научных кругах вызывают именно его разножанровые журналистские и публицистические

произведения, такие как интервью, статьи, репортажи, а особенно политические памфлеты, исследованию которых уделили внимание И. Дзюба, В. Гришко, В. Надднипрянец, Н. Жулинский, Г. Костюк, Л. Михайлин и другие. Проблемно-тематический и жанрово-стилистический анализ публицистики автора нашел свое отражение в трудах упомянутых ученых, но при этом формы интертекстуальности в них совсем не рассматривались. По нашему мнению, только комплексный анализ идейно-художественного инструментария публицистики И. Багряного, глубокое и всестороннее изучение тематических фабульных топосов и других интертекстуальных форм в его текстах дополнит и расширит наши представления о творческой личности публициста.

Свои памфлеты и статьи И. Багряный печатал в эмиграционной прессе, и только с провозглашением независимости Украины они стали достоянием отечественной журналистики. Поэтому и присуждение ему в марте 1992 г. Государственной премии Украины имени Тараса Шевченко состоялось довольно запоздало – к сожалению, посмертно. Пребывание автора за пределами Родины было обусловлено не его желанием, а крайне сложной и опасной для жизни журналиста ситуацией в стране с приходом к власти большевиков [8].

После окончания Второй мировой войны Иван Багряный, пройдя через сталинские лагеря, остался в Европе, поселился в Новом Ульме (Германия) и присоединился к активной работе украинской эмиграции. Выбор страны не был случайным. В то время Германия стала центром украинской эмиграции, средоточием, организационной структурой жизни в лагерях для перемещенных лиц и частных домах. Появились учреждения, общества, объединения, союзы и т. В скором времени заявила о себе и пресса. Начал печататься националистический еженедельник «Время», который вскоре слился с парижским прессовым органом «Украинец». В Мюнхене выдавали «Украинскую трибуну» – самый популярный журнал украинской диаспоры в Германии и в других странах. Чуть позже, в феврале 1954 г., появляется на свет «Путь победы» – общественный политический еженедельник ОУН, в котором уделяли внимание литературе и искусству, молодежной и женской тематике. Кроме того, в журнале подавались комментарии и обзоры международных событий, хроника лагерной жизни перемещенных лиц, информация из Украины [7].

Журналистская деятельность Ивана Багряного начинается с основания им издание «Украинские вести». В ней автор опубликовал около 200 своих статей. Эта газета стала площадкой для печати публицистики украинских эмигрантов, среди которых, в частности, Тодось Осьмачка, Николай Руденко и другие. Именно это издание было одним из немногих, которое пропагандировало, утверждало, боролось за украинскую независимость и свободу прав и обязанностей каждого гражданина [8].

Сам Иван Багряный считал «Украинские вести» «трибуной новой из-под советской рабоче-крестьянской эмиграции, бедной материально, но сильной духом». Это издание стало своеобразным показателем, а возможно, и мерилем ценностей абсолютного большинства украинской среды, которая была подвергнута большевистскому нивелированию [9]. Иван Багряный пытался именно словом пробуждать национальное сознание и смелость, призывал к борьбе против большевистского режима.

И. Михайлин в своих медиаисследованиях пишет о том, что публицистика И. Багряного была связана, прежде всего, с его политической деятельностью. Возглавляя Украинскую революционно-демократическую партию (УРДП), И. Багряный призывал украинские политические силы к консолидации, к созданию антисоветской публицистической и журналистской продукции. Не секрет, что каждой написанной им статье предшествовало какое-то событие, коснувшееся его личных или общественных интересов. Главная тема публицистики – осуждение тоталитаризма во всех его проявлениях, разоблачение политики денационализации украинцев, борьба за украинскую государственную независимость как единственный гарантированный способ преодоления сталинизма, за становление национального сознания украинского человека, поскольку его формирование является гарантией создания украинского государства. Этот факт объясняет мотивационную составляющую статей публициста [8, с. 220]. Его произведения посвящены общественно-политическим вопросам, историческим и научным проблемам, актуальным как для современников, так и для будущих поколений.

Политическое мышление И. Багряного, реалистичная и демократическая политико-идеологическая программа, на которой он стоял, обеспечили ему последователей не только в ФРГ, но и во всех странах расселения украинской политической эмиграции. Дело в том, что после Второй мировой войны многие украинские переселенцы находились не только в Германии и Австрии, но и в других европейских государствах. Это были беглецы от тоталитарного режима или вывезенные гитлеровскими оккупантами на принудительную работу. Эмигрантов из Украины насчитывалось более 250 тыс. Массовую эмиграцию вызвали ужасные национально-политические и общественно-экономические условия жизни. Только благодаря диаспорной прессе и отдельным политическим деятелям, которые формировали общественное мнение, этим людям удалось выстоять и сохранить культурную связь с родным краем [9].

В контексте борьбы за права и свободы украинцев-переселенцев на фоне предвзятого к ним отношения в европейских странах под влиянием коммунистической пропаганды особое внимание привлекает памфлет И. Багряного «Почему я не хочу возвращаться в СССР?», написанный в 1946 г. Это первая своеобразная политическая декларация прав человека и нации, протест против национальной дискриминации. Произведение вышло в разгар принудительной репатриации (возвращения на родину) бывших советских граждан. Этот процесс сопровождался насилием, пытками, уничтожением. Бывшие заключенные, «остарбайтеры», пленные из Украины прятались под чужими именами, выдавали себя за людей других наций, не смели признаться, кто они и откуда. Брошюра-лист И. Багряного сказала все за них. Каждый «остовец» читал ее, прижимал к груди и показывал чужакам как свое удостоверение. Писатель-публицист И. Багряный вернул человеку его политическую память [5].

Памфлет «Почему я не хочу возвращаться в СССР?» был переведен едва ли не на все европейские языки, сыграл значительную роль в решении судьбы отечественной политической эмиграции. Десяткам тысяч украинских переселенцев было разрешено выехать в США, Канаду и Австралию, а не принудительно возвращаться в СССР. Памфлет служил реабилитационным письмом в глазах мировой общественности. Творчество Ивана Багряного доказало, что полная опасностей, приключений, трагедий, предательств жизнь писателя не уничтожило в нем веры в победу добра над злом.

Автор не случайно выбрал жанр памфлета, ведь именно текст, написанный в этом сатирическом жанре публицистики, носит резко обличительный характер, сатира в нем перерастает в сарказм, а предмет отражения полностью отрицается. Кроме того, для памфлета характерны такие черты, как злободневность, документальность, избрание для разоблачения и критики значимого общественного явления (важного социального события, выдающегося государственного или общественного деятеля): в нашем случае – объектом стала принудительная послевоенная репатриация украинцев-переселенцев в Советский Союз из стран Западной Европы.

Своими корнями жанр памфлета достигает эпохи Реформации, а в украинской культуре потребность в нем возникла в связи с религиозной дискуссией между католиками и православными после заключения Брестской унии (1596 г.), вследствие чего возникла полемическая публицистика (конец XVI – 30-е гг. XVII вв.). Памфлет отмечался публицистическим форматом, поскольку подчинялся призывам к широкой аудитории с целью решения неотложных тогдашних проблем. Итак, этот жанр, относящийся именно к полемической публицистике, стал неотделимым от духовно-религиозного, социокультурного и литературно-эстетического бытия украинской нации не только в XVI в., но и в более позднее время [6].

В массовой коммуникации полемически-публицистические формы проявились как активный способ обмена мнениями и отстаивания собственной позиции. Однако только в конце XVI в. сложились благоприятные условия для выделения полемической публицистики в самостоятельный коммуникативный жанр: возможность тиражирования (появление книгопечатания) и формирование общественного мнения относительно конфессиональных проблем, – что дает основания мотивировать становления украинской публицистики этим периодом. Проблематика памфлета и стилевая палитра, насквозь пропитана публицистическим притяжением, открыла перспективу раскрепощения авторской индивидуальности, делала

возможным произвольное использование исторических фактов, пренебрежение аргументами оппонентов, презентацию полемической проблематики из собственных конфессиональных позиций. Полемисты использовали все резервы влияния на эмоции реципиентов, формируя устойчивые текстовые структуры, которые не потеряли актуальности и сегодня и соразмерные с некоторыми публицистическими жанрами современных СМК [6].

Поскольку тексты полемической публицистики всегда строились на апелляции к «чужому тексту» и на его интерпретации, их авторы часто опирались на различные интертекстуальные проявления. Полемисты не просто вступали в диалог с другими текстами, а даже отрицали их. Вербальные последствия такого «диалога» с предыдущими текстами имели различные формы, наиболее распространенными из которых являются: отрицание, интерпретация небольших сюжетов, явное (умышленное) и скрытое (поверхностное) цитирование. Так, цитата, как правило, служила исходным моментом размышлений полемиста, к ней привлекалось комментирование с мотивацией положительной или отрицательной оценки, и одновременно она выступала аргументом. Показательным было то, что цитаты не столько подтверждали мнение автора, сколько на них основывались его рассуждения.

Нередко на первый план полемисты выдвигали аргументационную топику, источником которой было Священное Писание, считавшееся кладом истинных архетипов. Точное цитирование и частые ссылки на него признавались нормой. Щедрое цитирование Библии и призывы к церковным авторитетам были также данью тогдашней богословской практике и предписаниям школьной риторики, которая считала этот литературный прием проявлением эрудиции автора и материалом, украшающим текст [7].

Полемистов не удовлетворяло только утверждение истины: все активнее осознавался вес слова, участились попытки «гуманизировать» реальность. Их стремление влиять не только на разум, но и на чувства читателей, разнообразить репертуар аргументации и амплификации авторских размышлений и комментариев демонстрировало то, что они творили в конкретном историческом времени, отличительными особенностями которого были тенденции к изменениям мировоззренческих, риторических функций путем привлечения в текст актуальных проблем и даже подачи их в авторской интерпретации. Учитывая интеллектуальную культуру читателей, полемисты пытались текстуализировать больше понятийной конкретики, обогащенной авторской интерпретацией. Таким образом, характерной чертой структурирования полемических текстов стала аргументационная топики, которая активно функционировала как стилевой прием и предназначалась для композиционного упорядочения текстов [7].

Среди интертекстуального материала, с которого конструируются тексты, топос является одним из древнейших. Это готовая риторическая формула, схема построения мысли, стереотип метафорического высказывания. В случае публицистики топосы помогают автору высказывания (чаще всего идет речь о текстах с элементами дискуссии) отыскать общие понятия, готовые схемы, устойчивые обороты, которые служили косвенной, образной аргументацией для убеждения реципиентов. В публицистических текстах наиболее широко пользуются специальными топосами. Дело в том, что для риторических речей и для художественной литературы авторы использовали различные «припасы» топики. Что же касается журналистики и публицистики, то здесь имеется и коммуникативный стереотип, как в устных выступлениях или эпистолах, так и шаблонная метафорическая конструкция, как в художественных произведениях, а кроме того, еще и информативность [3, с. 253, 254].

К специфическим тематическим фабульным топосам принадлежат традиционные сюжеты и образы: архетипные образы, «вечные образы», мифологические мотивы, путешествующие сюжеты. Интертекстуальные отсылки к такому символическому коду позволяют значительно расширить семантические границы текста. Затем семантическое обогащение происходит независимо от способа интертекстуальной трактовки традиционного образа: полемического его отрицания или пародийного высмеивания, творческого переосмысления или продолжения [3, с. 254].

В памфлете как в образце политической и полемической публицистики ведущая роль принадлежит именно аргументации. Однако в случае с памфлетом «Почему я не хочу возвращаться в СССР?» И. Багряный не вступает в дискуссию с конкретным оппонентом. Для обоснования перед европейским политическим истеблишментом и рядовыми гражданами своей

позиции и аналогичных мыслей своих горе-побратимов-единомышленников по экстрадиции/репатриации/принудительному выселению из страны пребывания в Советский Союз он апеллирует к личностному горькому, даже трагическому опыту проживания в СССР и экстраполирует эту информацию едва ли не на всех украинских переселенцев. Для этого публицист широко использует именно исторические аллюзии. Исторические – в нашем понимании и восприятии, ведь текст создан в 1946 г., то есть сразу после Второй мировой войны, а поэтому военные события, названия немецких концентрационных лагерей, географические названия, где располагались советские тюрьмы и лагеря, фамилии А. Гитлера, И. Сталина, М. Ежова, украинских художников «расстрелянного возрождения» для И. Багряного – практически его настоящее. Однако даже намек на событие, происходящее пусть и в незначительном удалении во времени, позволяет классифицировать этот прием как аллюзию.

Эхо ужасных событий в истории Украины периода 20 – 30-х гг. XX в. прослеживается в таких аллюзиях: «Замучили они моего деда за то, что он был богатый украинский крестьянин (имел 40 десятин земли) и был против **«коммуны»** (здесь и далее выделение наше. – Л.Я.) [1, с. 465] – расправа над зажиточными крестьянами с целью их полного истребления или принудительного вхождения в колхозы, о чем говорится далее: «В 1929 – 1932 гг., в период так называемой **«коллективизации»**, большевизм изрек войну состоятельному крестьянству лозунгом **«уничтожение кулака как класса»**» [1, с. 465]; или: «Костями этих украинских детей и матерей **Сталин вымостил все пути и дебри той «необъятной родины»**» [1, с.466] – это уже о репрессиях 1930-х гг.

Публицист остро и болезненно реагирует на уничтожение национально сознательных патриотов-украинцев, особенно среди интеллигенции как флага в процессах создания государства. Автор не видит особой разницы в способах и методах искоренения инакомыслия нацистским и коммунистическим режимом. Поэтому и пользуется историческими аллюзиями: «Помимо высокой интеллигенции с именами, в эти два года (30-е гг. XX в. – Л.Я.) было замучено множество интеллигенции безымянной. И все за то, что они были украинцами и хотя бы словом и в любое время (даже 20 лет назад) заявили о своей нелюбви к московскому оккупационному режиму. За это их всех назвали **врагами народа** и замучили такими способами, что и **Гитлер** мог бы позавидовать и поучиться. Кошмар **Дахау и Бухенвальда** не превышает ужасов множества энкаведистских застенков и концлагерей в эти годы [1, с.470].

Такой подход (отождествление гитлеровской Германии и сталинского СССР) И. Багряный выбрал не только из-за своей личной неприязни к большевизму-коммунизму, не только из-за желания обнажить всю правду о преступлениях московского режима – как искусный полемист-публицист и политический деятель он прекрасно понимал, что такое «отождествление» достаточно положительно воспримется общественно-политическими кругами тогдашней послевоенной Европы, особенно в Великобритании и Западной Германии, и конечно же в США, а также будет импонировать сторонникам усиления конфронтации между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, свидетельством чего стала «холодная война», набиравшая обороты. Итак, И. Багряный критикой политики Москвы и разоблачением преступлений партийной клики достигал не только эмоционально-экспрессивного эффекта – сочувствия рядовых граждан, но и в очередной раз демонстрировал и свою гражданскую позицию.

Аналогичная коммуникативная цель реализуется и благодаря использованию различных видов цитат. Ярким примером является в частности предтекстовая цитата (эпиграф), что служит также и автоцитатой: «Я вернусь к своей Отчизне с миллионами своих братьев и сестер, которые находятся здесь, в Европе, и там, по сибирским концлагерям, тогда, когда тоталитарная кровавая большевистская система будет снесена так, как и гитлеровская, когда НКВД пойдет вслед за гестапо, когда красный русский фашизм исчезнет так, как исчез фашизм немецкий» [1, с.461; 477].

В публицистическом тексте цитаты выполняют преимущественно информационную, коммуникативную и рекламную функции. Однако они, прежде всего, являются носителями фактов, а потому и культурно-историческая, и литературно-эстетическая нагрузка обязательно получает социальное маркирование. Пользуясь цитатами, автор направляет культурный диалог между прошлым и настоящим. Кроме того, в памфлетах «слова, взятые в кавычки» – явные и

скрытые цитаты, способствуют характеристике исторической атмосферы конкретной эпохи, погружают в нее читателя, воспроизводят колорит на лингвостилистическом и лексическом уровнях.

Особое внимание привлекает употребление слова «родина» («родіна»), «советская родина» («совітська родіна») – в украиноязычном тексте в кавычках, с маленькой буквы, украинскими буквами. Это слово в таком виде встречается в тексте пятнадцать раз. Причину такой своеобразной транслитерации публицист объясняет сам: «Я беру это слово в кавычки как слово, наполненное для нас страшным содержанием, как слово чужое, с таким несравненным цинизмом навязываемое нам советской пропагандой» [1, с.461].

Общеизвестно, что пропаганда коммунистических идей и партийных лозунгов в Советском Союзе занимала заметную, даже ведущую роль как в повседневной, так и в социально-политической жизни страны. В результате, ряд языковых штампов, клише, стереотипов сначала «въелся» в сознание граждан, а затем утратил свою актуальность или себя не оправдал, или доказал свою абсурдность и неуместность, а потому стал употребляться с иронически-пренебрежительным или же вообще с сатирически-саркастическим оттенком. В памфлете «Почему я не хочу возвращаться в СССР?» И. Багряный едва ли не в каждом абзаце прибегает к цитированию лозунгов или устоявшихся выражений, которыми пестрели агитплакаты и речи вождей партии, с целью «развенчивания» не только «культы Сталина» (как выяснилось впоследствии, дальновидный автор опередил Н. Хрущева на семь лет), но и разоблачения цинизма и лицемерия советской власти. В частности: «Пусть нам (эмигрантам, которые не хотят возвращаться в СССР. – Л.Я.) устроят суд. Но на такой суд Сталин не пойдет! Мы этого суда не боимся, но он его боится – **«солнцеподобный», «отец народов», «мудрейший из мудрых», «наиболее демократичный из всех демократичных»** боится такого суда, потому что это был бы суд над ним и над всем большевизмом, то был бы небывалый и интересный скандал в истории» [1, с.478].

А также: «Партийная клика, которая придерживается лозунга **«цель оправдывает средства»**, действительно неразборчива в этих средствах. <...> Раз – для того, чтобы ту цель строить, а раз – для того, чтобы ее разрушать; раз – чтобы искоренять религию, как **«опиум для народа»**, стреляя священников и разрушая храмы, а раз – для реставрации русской церкви, стреляя безверных (например, Ярославского) и посылая на каторгу представителей других церквей» [1, с. 473]; «<...> Они были уничтожены за то, что были украинскими коммунистами и, поверив в **лживые большевистские заверения о праве наций на свободу вплоть до «отделения»,** надеялись это **«право»** осуществить [1, с.469]. Из советской устоявшейся топики: «Причем подчеркиваю, что я рабочий (пролетарий), то есть представитель **«господствующего» в СССР класса,** именем которого Сталин и его партия осуществляют т.н. **«пролетарскую диктатуру»**. Но я сын украинского пролетария, а, кроме того, мать моя крестьянского происхождения – дочь крестьянина Ивана Кривуши из села Куземин на Полтавщине – вот это и есть несчастье целой моей жизни в **«демократическом» СССР** [1, с. 463]. А дальше: «Нет, автор является только украинским писателем и публицистом с высшим образованием и никогда не резал даже цыпленка. Но его несчастье в том, что он в той Украине **«сталинского социализма» и широкой «демократии»** осмелился сказать слово протеста, и то замаскированное в эзопову форму. За это он провел молодость в тюрьмах и на каторге и завидовал даже бандитам, потому что они имели легкий режим и имели льготы, а художники не имели льгот, как **«политические преступники»**, потому что они были патриотами своего народа и своей Родины [1, с.471].

Использует автор и межтекстовые (явные) цитаты и скрытые (чаще всего – аллюзии и реминисценции), а именно: «Возьмите Малую Советскую Энциклопедию, издания 1940 г., раскройте ее на букву «у» и прочитайте в рубрике «УССР», что там написано. Это документ. **А написано там черным по белому, хотя и мелким шрифтом, что Советская Украина, по переписи 1927 г., имела украинского населения 32 млн., а в 1939 г., то есть через 12 лет. – 28 млн.»** [1, с.463]; «Для нас слово «Отечество» также наполнено святым содержанием и может больше, чем для любого другого. Но не сталинская «родина». Мне моя Отчизна снится каждую ночь. Отчизна моя, Украина, одна из **«равноправных» республик в федерации, называемой СССР»** [1, с.462] (намек на Конституцию 1924 г.), а также: «А любовь к Родине, к своему

народу, то есть национальный патриотизм в СССР, является тягчайшим преступлением. <...> Преступление это зовется на большевистском языке – на языке красного московского фашизма – **«местным национализмом»**. <...> Почему это считается тягчайшим преступлением? СССР, как известно, является федерацией равноправных республик. Равноправных народов, которые **по «сталинской конституции»** имеют право на национальную свободу вплоть до отделения от СССР» [1, с.471] (речь идет о Конституция СССР от 1935 г.).

Внутритекстовые цитаты употребляются автором при воспроизведении диалога между невинным заключенным и врачом-палачом, который требует от бедняги признания в совершении преступления: «Врач-энкаведист ставит полусумасшедшей от мучений жертве такое условие: **«Или подпишете все, что требует следователь, и тогда я вас буду лечить, или издохните»**. А при этом надо еще взять во внимание, что жертва ни в чем не повинна» [1, с. 474]; при формулировании внутривластной установки в отношении карательных органов к своему же народу: «Уничтожая людей за мелочь, за сказанное слово, за анекдот, за жалобу на плохую жизнь и еще и делая это с откровенным цинизмом, большевики выставляют такую формулу: **«В СССР людей хватит и нечего церемониться»** и **«лучше поломать ребра сотни невинных, чем пропустить одного виновного»** [1, с.475].

В памфлете, как ни в каком другом жанре полемической публицистики, достаточно широко представлено такой тип транстекстуальности, как архитектстуальность – отношение текста к жанровому коду, что на практике реализуется через интертекстуальные отсылки к Священному Писанию (употребление библеизмов), к национальному фольклору (паремии), событиям в мировой и отечественной истории (аллюзии), к архетипным образам-топосам. Нередко автор употребляет крылатые выражения, призванные разнообразить и обогатить культурно-стилистическую канву текста. В пылу полемики с воображаемыми оппонентами он апеллирует и к авторитетам (например, публицист несколько раз называет СССР «тюрьмой народов»: «Большевики сделали для 100 национальностей единую «советскую родину» и навязывают ее силой, эту **страшную тюрьму народов**, называемую СССР [1, с.462]», – как известно, это образное выражение употребил французский писатель и путешественник А. де Кюстин в книге «Россия в 1839 г.»: «Хотя какая огромная эта империя, она не что иное, **как тюрьма**, ключ от которой хранится у императора»). Таким образом, И. Багряный не только проводит историческую параллель и указывает на правопреемственность «Царская Россия – СССР», но и подкрепляет свое мнение опосредованной ссылкой на другого автора.

Обогащение семантики текста, как и усиление его эмоционально-экспрессивного начала достигается за счет многочисленных фразеологизмов разного происхождения, например, поговорок («Они ее величают «родина» и гоняются за нами по всему миру, чтобы **на аркане потянуть нас** на такую «родину»» [1, с.462], «Примером такого глумления, цинизма, подвоха, провокации, садизма, ничем не оправданной жестокости изобилует целая 27-летняя большевистская практика. И не от случая к случаю и **«пятна на солнце»** – это есть стиль большевизма, его природы» [1, с.476]); топосов-метафор с гиперболическим оттенком («При одной мысли, что они таки поймают и вернут, **у меня седеют волосы, и я вожу с собой дозу цианистого калия**, как последнее средство самозащиты перед сталинским социализмом, перед той «родиной»» [1, с.462], «Что может быть милее Отчизны, той земли, **где родился и ходил по ней детскими ногами, где лежат кости предков, где могила матери** [1, с. 462]), библеизмов («Для европейцев и для граждан всех частей мира (кроме СССР) странно и непонятно, как может человек бежать от своей Отчизны и не хотеть возвращаться к ней. Это, наверное, большие преступники, которые боятся наказания за **большие грехи** перед своим Отечеством [1, с.462], «И когда канадские и американские украинцы-коммунисты выступают сегодня против нас, беглецов от большевизма, добиваясь возвращения нас назад, то они выполняют **каинову роль**. Пусть они сами поедут в тот сталинский **«рай»** и побудут там пару лет. А тогда уже, если уцелеют, пусть забирают свои слова назад» [1, с.469].

Широко представлены аллюзии на исторические события, которые приобрели значение крылатых выражений: «Ту «родину» я прошел от Киева до Чукотки, до Берингова пролива и обратно. Прошел **под опекой опричников** с ГПУ-НКВД, **переходя постепенно через все мытарства**, пока не сбежал сюда, в Европу» [1, с.470] (намек на политику Ивана Грозного); «В годы 1932 – 1939 большевизм уничтожил всю украинскую интеллигенцию: ученых, писателей,

художников, военных, политических деятелей – тысячи и десятки тысяч людей, представляющих собой верхушку народа. <...> А истребил он их сначала **подвергнув страшной инквизиции** <...>» [1, с.468] (аллюзия на события времен религиозных войн в Европе); «В это время умирающих украинских крестьян, ехавших в столицу **просить на улицах милостыню, вылавливала красная жандармерия**, называемая рабоче-крестьянской милицией, и выбрасывала далеко за город умирать на дорогах» [1, с.467] (апелляция к событиям Французской буржуазной революции); «И вот однажды вечером пришли хорошо вооруженные люди, говорившие на чужом языке, и на моих глазах и на глазах других внуков, под наш неистовый визг убили деда и его сына (моего дядю). Они долго тыкали их штыками, допрашивали, стреляли в лежащие окровавленные тела из пистолетов и смеялись ... Они все гадко ругались, и под старой липой посреди пасеки, где иконы святых Зосимы и Савватия, все было забрызгано кровью. Кровь всю жизнь стояла у меня перед глазами. Это так начиналась **«Варфоломеевская ночь»** в том селе. В ту ночь было замучено в селе всех стариков-хозяев и священника, и организовал ту ночь (как множество таких ночей) большевизм в лице представителей чека и большевистского **«истреботряда»**» [1, с.464] (упоминание коварного убийства католиками протестантов в 1572 г. во Франции; это выражение означает «жестокую расправу, массовое уничтожение людей, кровопролития»); «А провокационное убийство Кирова? Этот второй **«поджог рейхстага»** инспирирован для того, чтобы исправить неудачный террор против всех оппортунистов и всех недовольных. Кирова якобы убил правый оппортунист Николаев. Но это был лишь Вандерлюб ч.2. »[1, с.475] – проведение аналогии между поводами для расправы над оппозицией, к которым прибегали что нацисты, что коммунисты.

Итак, Иван Багряный в политической эмигрантской публицистике поднимал ряд важных вопросов, особенно актуальных для украинских переселенцев-эмигрантов в послевоенный период. Одна из важнейших проблем – принудительная репатриация из европейских стран в СССР – актуализирована в памфлете «Почему я не хочу возвращаться в СССР?». Иван Багряный объясняет причины нежелания многих украинцев уезжать из европейских стран в Украину, прежде всего, страхом быть арестованными и воспоминаниями о кровавом прошлом, что в свое время и заставило людей покинуть родной край. Автор оправдывает переселенцев, апеллируя не к судьбе абстрактных эмигрантов, а рассказывает о своем прошлом. Он призывает европейцев и американцев прислушиваться к его аргументации, насыщенной многочисленными интертекстуальными ссылками, среди которых цитаты, аллюзии, реминисценции, паремии, топосы, функциональное и лексико-стилистическое назначение которых проанализированы в предлагаемом исследовании.

Библиография:

1. Багряный Иван. Верю!.. / Иван Багряный. – Чикаго – Харьков: изд-во ХИБМ, 2001. – 543 с.
2. «Бронебойная публицистика». Иван Багряный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/uk/library/books/bronebiyna-publicistika-ivan-bagryaniy>
3. Будный В., Ильницкий М. Сравнительное литературоведение / В. Будный, М. Ильницкий. – М. : Изд. дом «Киево-Могилянская академия», 2008. – 430 с.
4. Лавриненко Ю. Иван Багряный – политический деятель и писатель // Украинское слово : Хрестоматия укр. лит. и лит. критика XX в. : В 3 кн. / Ю. Лавриненко. – М., 1994. – Кн. 2.
5. Памфлет «Почему я не хочу возвращаться в СССР?» Ивана Багряного (критика) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrtvory.com.ua/referaty/lit240.html>
6. Поплавская Наталья Николаевна. Украинская полемически-публицистическая проза конца XVI – начала XVII вв. : современная рецепция и реинтерпретация / Наталья Николаевна Поплавская [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mydisser.com/ru/catalog/view/312/861/19533.html>
7. Поплавская Наталья. Аргументационная топика украинской публицистики конца XVI – начала XVII вв. / Наталья Поплавская [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journal.mandrivets.com/images/file/Poplavska.pdf>

8. Публицистика Ивана Багряного : концепции противоречий или идеи борьбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://naub.oa.edu.ua/2014/publitsystyka-ivana-bahryanoho-kontseptsiji-protyrich-chy-ideji-borotby/>

9. Чекалюк В.В. Недаром Иван Багряный не хотел «возвращаться в СССР» / В.В. Чекалюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1907>

УДК 82.9

Ярошевская Анна Витальевна
преподаватель высшей категории
Колледжа Луганской государственной
академии культуры и искусств им. М. Матусовского
г. Луганск
E-mail: radistkaket@ro.ru

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА

Annotation. The article concerns the usage of the educational technology «visualization» as one of the analysis methods of a character at Literature lessons.

Key words: «visualization», «character», «image», «synthesis of the arts», «analysis of a character».

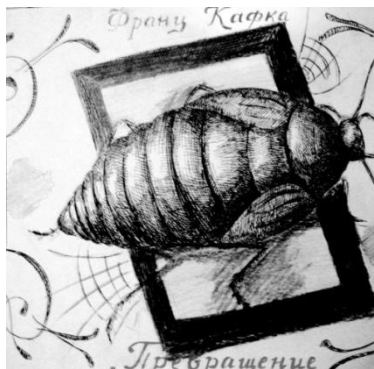
Одной из основных задач современной педагогики является формирование всесторонне развитой, творческой, гармоничной личности. Успешная реализация этого задания, на наш

взгляд, возможна через открытый диалог образования и искусства. Так, на занятиях по русской и зарубежной литературе, одним из наиболее продуктивных методов является использование комплексного подхода, который выражается в так называемом синтезе искусств (литература, живопись, история искусств и т.п.). Этот процесс не только способствует расширению мировоззрения студентов, ознакомлению их с шедеврами мировой культуры, но и вызывает интерес к художественному произведению, личности автора, и, самое главное, позволяет вывести анализ литературного произведения на новый уровень – уровень *визуализации*.

форме, удобной для зрительного восприятия, т.е. методика направленного вызова образа. Синонимами к слову можно считать такие понятия как «изображение», «представление».

В общепринятом смысле визуализация - это представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия, т.е. методика направленного вызова образа. Синонимами к слову можно считать такие понятия как «изображение», «представление».

Фактически литература как часть гуманитарного образования и сориентирована на формирование определенного образа. Опора на образы облегчает и

35. ШКУРАН О.В., канд. филолог. наук, доцент каф. украинского языка и общего языкознания, Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
СОВРЕМЕННАЯ ЭТАЛОНИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ..... 139

36. ЯКИМЕНКО Л. Н., канд. филолог. наук, г. Умань, Украина
ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ИВАНА БАГРЯНОГО В ИЗМЕРЕНИЯХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМФЛЕТА «ПОЧЕМУ Я НЕ ХОЧУ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В СССР?»)..... 143

37. ЯРОШЕВСКАЯ А.В., преп. высшей категории, колледж ЛГАКИ им. М. Матусовского, г. Луганск
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА..... 151

СЕКЦИЯ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1. GUMENĂI Ion, conf. univ., doctor, Departamentul Istoria Românilor, universală și arheologie, Universitatea de Stat din Moldova, RM
COMUNITATEA LIPOVENEASCĂ DIN BASARABIA ÎNTRE ADMINISTRAȚIA ȚARISTĂ ȘI PERCEPEREA PUTERII IMPERIALE..... 156

2. АГУЛЬНИКОВ С., науч. сотр., ЦА ИКН, НИЦ им.М.В.Маруневич, РМ
ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ОЗЕРА КАГУЛ У СЕЛА ЭТУЛИЯ..... 162

3. АГУРЕЕВ С.А., канд.ист.наук, доцент ГАОУ ВО МГПУ, г. Москва, РФ
АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899-1902 гг. И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ..... 164

4. БАКУЛИН В.М., канд.ист.наук, учитель истории шк. №1288, г.Москва, РФ
ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА РОССИЕЙ БОСФОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 80-Е ГГ. XIX В..... 169

5. БОЛТАЕВСКИЙ А.А., канд ист.наук, доцент МГУПП, г.Москва, РФ
ВСТУПЛЕНИЕ БОЛГАРИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ 173

6. ВИНОКУРОВ Н.И., докт. ист. наук, профессор, зав.кав. истории древнего мира и средних веков им.Семенова В.Ф. МПГУ, г.Москва, РФ; ПОНОМАРЕВ Л.Ю., исследователь, археолог, г. Керчь
ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)..... 175

7. ГЮМЮШЛЮ Георгий, магистрант группы МГИ-14, КГУ, РМ
ФИЛИПП II МАКЕДОНСКИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ КОРИНФСКОГО СОЮЗА..... 183

8. ЗЕЙФЕР В.А., зав. ИАЦ Переславль-Залесского ист.-архит. и худ. музея-заповедника, науч. сотр. ИА РАН, г.Переславль-Залесский, РФ
ОРДЫНСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ПЕРЕСЛАВЛЯ (ПЕРЕЯСЛАВЛЯ) – ЗАЛЕССКОГО XIII-XV ВВ. (ПО МАТЕРИАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2011-2013 ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕМЛЯ И ПОСАДА)..... 188

9. КАЛЮЖНАЯ Т.А., ст., НТУ Украины, г. Киев, Украина